
Социальная защищенность городской монородительской семьи

Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА, П.В. РОМАНОВ

В России, как и на Западе, форма и роль семьи как социальной и экономической единицы изменялась в течение всего XX в., а особенно во второй его половине. Трансформации продолжались и усиливались с распадом СССР в период перестройки, перехода к рыночным отношениям. В результате изменений брачного и репродуктивного поведения одинокое родительство становится все более распространенной формой российской семьи. Существующая система социальной политики, и в частности новые программы адресной помощи, способствуют формированию среди россиян устойчивых групп — клиентов системы социального обеспечения. В статье рассматривается практика социального обслуживания одиноких матерей в областном центре и малом городе Центральной России на материале интервью с женщинами — клиентами и социальными работниками¹.

Теоретический контекст

Название статьи отсылает нас к теории гражданства как статуса, который определяет доступ к определенным правам, в том числе политическим и социально-экономическим. Такие права универсальны, и первоначальная ответственность за их соблюдение лежит на государстве.

Согласно концепции Т. Маршалла [*Marshall 1950*], оказавшей большое влияние на теоретическое формулирование и практическое воплощение социальной политики, гражданство включает несколько элементов: членство в национальном сообществе в формальном смысле, что означает владение легальным правом иметь паспорт, а также в сущностном смысле как способность полного участия в этом сообществе; права и обязанности, которые вытекают из членства; равенство статуса. Это своего рода идеал, который может рассматриваться как измеритель прогресса, особенно для маргинализированных групп и новых социальных движений [*Cohen 1999*].

¹ В 2001—2003 гг. проведено 28 интервью с одинокими матерями в г. Саратове и малых городах Саратовской обл. (Балашов и Красноармейск). В интервьюировании участвовали С. Усманова, М. Лескина, Е. Цыглакова, а также авторы статьи.

Маршалл расширяет либеральное понимание гражданства за пределы юридического и политического статусов, включая в определение и социальные права. В связи с этим вводится понятие социального гражданства, включающего совокупность прав — от «права на минимальный уровень экономического благосостояния и социального обеспечения до права пользования накопленным общественным богатством и права на достойное существование в соответствии с жизненными стандартами общества» [Буссмейкер 2000, с. 254]. Именно этот аспект гражданства представляет собой основной фокус социальной политики. Однако некоторые граждане в иных государствах имеют лишь часть из тех прав, о которых писал Т. Маршалл в своей классической работе.

И если традиционная теория гражданства делала акцент на гражданстве как условии социального равенства, социального включения, то социальная критика сфокусировалась на тех способах, в которых гражданство действует как механизм исключения [Sapiro 1984]. Дж. Буссмейкер проводит анализ понятия гражданства с феминистской точки зрения; при этом ее интересует именно социальная составляющая этого статуса [Буссмейкер 2000]. Исторически процесс расширения гражданских, политических и социальных прав затрагивал мужчин, а не женщин [Okin 1992]. Гражданство относилось исключительно к публичной сфере, идентифицируемой с мужчинами; женщины идентифицировались с домашней частной сферой, не соответствующей гражданству.

Как в античном городе, так и в более поздних государственных образованиях гражданство тоже обычно распространялось на довольно узкую часть общества: гражданское поле имело фильтры с такими отсеивающими критериями, как пол (только в XX в. женщины в большинстве стран получили права политического гражданства), собственность (устранение из гражданского поля людей, не имеющих собственности, до недавнего времени было почти универсальным явлением), расовая или национальная принадлежность [Ильин 2000].

Постепенно женщины добивались равных с мужчинами прав, однако и сегодня они часто имеют неравный доступ к правам социального гражданства. Так, система государственного страхования в ряде стран мира отражает модели занятости мужчин. Тем самым, как указывает В.И. Ильин, мужчина-гражданин и женщина-гражданин — это статусные позиции, обладающие далеко не одинаковыми характеристиками [Ильин 1996].

Понимание гражданства через ответственность граждан свойственно политике многих социальных государств. Распространяя концепцию гражданства на систему отношений между семьей, рынком и государством, Дж. Буссмейкер утверждает, что институт гражданства должен подразумевать права (и обязанности) как в экономической и политической сферах, так и в частной (семейной) сфере, в том числе обязанности по уходу за членами семьи [Буссмейкер 2000].

Исследования взаимосвязи неоплачиваемой домашней работы, гендера и гражданства подняли вопрос: является ли (и в какой степени) домашний обслуживающий труд женщин общественно значимым либо он целиком относится к сфере частной жизни? В связи с этим исследователи, придерживающиеся феминистской теоретической традиции, настаивают на важности обслуживающего труда, заботы о близких как ответственности гражданства [Walby 1994]. Семьи

одиноких матерей — это именно та часть населения, которая в большей мере испытывает на себе успехи и просчеты политики, проводимой в этой области государством.

Определение понятий

В лексиконе российских государственных чиновников, социальных работников, журналистов, учителей прочно прижилось словосочетание «неполная семья», которое выражает противопоставление нуклеарной семейной единице (мать—отец—ребенок/дети) как полной, нормальной, завершенной композиции семейной структуры. Неполнота в данном контексте связана с отклонением от нормы, ущербностью и низким социальным статусом. О неполных семьях говорят в контексте бедности и нужды. Альтернативным понятием, не имеющим значения стигматизации, выступает термин «монородительская семья». Чтобы отличить семьи одиноких отцов от семей одиноких матерей, иногда применяется выражение «материнская семья». При этом к юридическому смыслу понятия «одинокая мать» добавляются более широкие толкования монородительских семей или домохозяйств с одинокими родителями.

В узком, юридическом, смысле термином «одинокая мать» обозначаются те женщины, которые не состоят в законном браке и имеют внебрачных детей. Статус одинокой матери определяет отсутствие у ребенка отца, на данном основании одинокая мать получает государственное пособие. Для взыскания алиментов с предполагаемого отца ребенка необходимо установить факт его отцовства в соответствии со ст. 48, 49 Семейного кодекса РФ, что может быть сделано по совместному заявлению отца или матери или по заявлению отца в органы загс или по решению суда. Считается, что алименты являются альтернативой государственному вспомоществованию, и в случае установления отцовства статус одинокой матери утрачивается.

В более широком смысле речь идет о категории матерей, воспитывающих детей в семьях без отца, в том числе разведенных и вдовых. Как правило, семьи одиноких матерей различного брачного статуса называются неполными или материнскими семьями. Таким образом, «под весьма распространенным термином “неполная семья” понимают семью родителя, который вследствие различных причин один воспитывает и несет ответственность за живущего на его иждивении ребенка /детей. В настоящее время спектр неполных семей пополняется, помимо названных выше, семьями фактически раздельно проживающих супругов, за счет практики усыновления ребенка одинокой женщиной, а также установлением опеки или попечительства в случае сиротства» [Лунякова 2001, с. 86—87].

Как исследования, так и практика адресной социальной защиты наиболее уязвимых групп населения, на наш взгляд, должны учитывать не только юридический статус женщин как незарегистрированных, вдов, замужних или разведенных, а реальный социальный статус, ресурсы и стратегии выживания одиноких матерей. Поэтому мы придерживаемся той точки зрения, которая рассматривает одиноких, или соло-матерей, в широком контексте, относя к ним

женщин, воспитывающих своих детей без супруга. При этом важно признавать различия в определениях семьи и домохозяйства одинокого родителя.

Чаще всего домохозяйство определяется как индивид или группа людей, которые разделяют общий бюджет домохозяйства [Motivans, Klugman 2001, p. 4]. Главное же различие между употреблением слов «домохозяйство» и «семья» заключается в том, что члены домохозяйства необязательно связаны между собой родственными узами (хотя вероятнее всего это родственники), а семья чаще всего определяется только в терминах нуклеарной единицы, состоящей из родителей и детей, независимо от жизненного уклада домохозяйства, в которое может входить семья. В узком смысле монородительская семья — это домохозяйство, включающее только одного взрослого, на иждивении у которого вместе с ним проживают дети. В более широком смысле — это домохозяйство с одиноким родителем, где проживают дети до 18 лет с одним родителем (отцом или матерью) — не обязательно биологическим — и возможно с кем-либо еще.

Различие между монородительским домохозяйством и монородительской семьей в большинстве исследований остается незамеченным. Между тем отсутствующая информация о других членах домохозяйства с одиноким родителем может быть решающей для понимания стратегий семейной организации, которые направлены на смягчение социальных и экономических трудностей.

Так, именно в российском контексте единица домохозяйства может означать нечто совсем иное, отличное от семейной единицы, с присущими ей важными социальными и экономическими особенностями [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Продолжая проживать в одном доме с мужьями даже после развода, переезжая к своим родителям или родителям супруга после развода, разделяя домохозяйство с другими неродными взрослыми, одинокие матери наращивают доступные социальные и экономические ресурсы, столь необходимые им самим и их детям. Среди семей, возглавляемых матерями, согласно переписи 1989 г. (семьи из женщин с детьми без мужа или партнера мужского пола) 13 % жили в расширенных домохозяйствах (домохозяйства, где совместно проживают несколько семей).

При этом композиция домохозяйства определяется не столько коллективистскими традициями, как считают некоторые авторы [Motivans, Klugman 2001, p. 8, 11], а скорее жизненными стратегиями людей, направленными на аккумуляцию экономических и других ресурсов, разделение ответственности за уход за детьми, чтобы тем самым высвободить время одинокого родителя для учебы или оплачиваемой работы [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Кроме того, коммунальные жизненные устройства исторически стали нормой в России ввиду дефицита жилья, остающегося очень острым по сей день [Morton 1987]. В контексте резких экономических и социальных изменений организация жизненного уклада домохозяйства становится решающим фактором благополучия «материнских» семей.

Масштабы явления

Монородительские семьи не являются новым и уникальным феноменом для России. Число женщин, вынужденных растить детей в одиночку, увеличивается

во всем мире. При этом демографические модели, связанные с разводом и ростом семей одиноких матерей, сравнимы в России и в других странах. Источником их возникновения традиционно выступают разводы, вдовство (смерть одного из родителей), внебрачная рождаемость. В настоящее время цифра монородительских семей растет вследствие неоформленного юридически раздельного проживания супругов, усыновления ребенка одиноким родителем, опекой или попечительством в случае смерти родителей, а также когда родители бросают детей, лишаются родительских прав. Таким образом, в монородительской семье забота о детях и защита их интересов осуществляются либо одним из родителей, либо родственником или иным лицом, проживающим с этими детьми.

В 1989 г. в России каждый седьмой ребенок в возрасте до 18 лет проживал в семье с одним родителем; в 1994 г. этот показатель вырос до каждого пятого, или на 1,5 млн детей в абсолютном значении [Вопросы статистики 1998, с. 73]. В 1979 г. доля неполных семей составила 14,74 %, в 1989 г. их стало уже 15 %. Микрореперись 1994 г. выявила в составе всех российских семей 16,6 % монородительских [Бреева 1999, с. 103]. За 10 лет (с 1989 по 1999 г.) количество монородительских семей в России выросло с 4,6 млн до 5,3 млн [Антонова 1999, с. 10], из них 98 % составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка [Климантова 1999, с. 45].

Основная доля монородительских семей формируется вследствие стабильно высокого количества разводов. При этом в подавляющем большинстве случаев после расторжения брака ребенок (дети) остается с матерью. Статистика свидетельствует, что только за 1997—1999 гг. более 1 млн российских детей и подростков остались без одного родителя по причине распада брачного союза [Волков 1999, с. 58].

Формированию монородительских семей в значительной мере способствует также наблюдаемый в последние десятилетия непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин (отравления, производственные травмы, военные действия). В конце 1990-х годов лишь 56 % мужчин трудоспособного возраста доживали до 60 лет [Вопросы статистики 1997].

Монородительские семьи представляют собой неоднородную группу населения; все они отличаются между собой по брачному статусу, композиции домохозяйств, по числу детей, образованию и статусу занятости родителей, типу населенного пункта и ряду других показателей. Семьи одиноких многодетных матерей находятся на грани выживания; это также касается тех семей, в которых растут дети с отклонениями в развитии, а тем более дети-инвалиды [Киблицкая 2000, с. 52].

Дискурсивное поле

Феномен одинокого родительства на Западе получил широкое освещение как в академической литературе, так и в популярных СМИ и вызвал большой политический интерес. Пока это не получило столь же широкого внимания в России. Правда, в последние годы исследователи и политические деятели все чаще

обращают внимание на специфику положения неполных (монородительских) семей в российском обществе [Гурко 1992; Лунякова 1998; Иванова, Михеева 1999].

Дискурсивное поле исследований и политических дебатов о монородительских семьях располагается вдоль осей «благополучие» и «воспитание детей». Причем в работах, посвященных материальному статусу, реализуется в целом ценностно-нейтральный подход, а публикации о воспитании проникнуты морализаторством, осуждением, что вносит очевидный вклад в стигматизацию одиноких матерей и их детей.

Исследования экономического положения монородительских семей привлекают внимание к бедственному состоянию этой части населения. По свидетельству И. Калабихиной, преобладающее большинство неполных семей имеют характеристики бедных и зависимых от пособий [Калабихина 2002, с. 96—97]. Бедными считаются семьи, в которых доход на одного члена ниже стоимости потребительской корзины. Зависимыми от пособий являются семьи, где социальные пособия составляют более 25 % от семейного бюджета. Данные указывают на особо высокий риск бедности для семей одиноких матерей в условиях социальных и экономических реформ в России конца 1980-х и 1990-х годов. Для характеристики ухудшающегося положения женщин, особенно одиноких матерей, в публикациях экономистов и социологов используется понятие «феминизация бедности» [Овчарова, Прокофьева 2002]. Женщины составляют большинство среди таких беднейших групп населения, как пенсионеры (70 %), одинокие и разведенные родители, имеющие детей (91 %), безработные, живущие на пособие по безработице (62,5 %) [Хоткина 1996, с. 81].

Авторы прибегают и к более сильным метафорам, чтобы показать сложные условия переходного периода: именно женщины, по образному выражению З.А. Хоткиной, становятся «заложницами системы социальной защиты, а нередко и ее жертвами» [Хоткина 1996, с. 82]. В самом деле, если раньше одинокие матери и их дети были относительно защищены от бедности благодаря государственной поддержке дохода, субсидированному уходу за детьми и полной гарантии занятости, то в результате экономических реформ женщины вообще, а одинокие матери в особенности, стали более уязвимыми. Утрата государственного социального обеспечения, недостаток доступных услуг по уходу за детьми, снижение возможностей на рынке труда и гендерного равенства в заработке привели к эрозии семейной стабильности и поместили одиноких матерей в ситуацию высокого риска бедности. В результате экономический статус домохозяйств одиноких матерей оказался одним из наиболее низких по отношению к другим домохозяйствам в России [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Почти 40 % семей одиноких матерей находились ниже уровня бедности в 1996 г., и сегодня эти показатели продолжают расти [Лунякова 1998, с. 95].

Существуют и публикации, которые вносят вклад в конструирование обобщенного образа материнских семей как дефектных, патологических, представляющих источник социальных проблем в обществе. «Среди проблем неполных семей особенно острой предстает проблема ее функционирования как института *воспитания и социализации детей*»; в неполной семье воспитание деформируется в связи с отсутствием одного родителя [Дементьева 2001, с. 108, 109].

Исследователи фиксируют снижение познавательных установок у детей после развода, низкую успеваемость и слабую выраженность стремления к достижениям. На эмпирических данных демонстрируется, что дети, растущие в неполных семьях, получают более низкое образование и соответствующий уровень доходов впоследствии. Считается, что определяющий интерес «детей развода» к престижу выбираемой профессии, вероятнее всего, связан с развитым у них комплексом неполной семьи и потребностью компенсации уязвленного в детстве самолюбия. Еще более отчетливо проявляется влияние неполной семьи на невысокие требования подростков к профессии в аспектах квалификации и интересной работы [Дементьева 2001, с. 111].

В качестве социально опасного последствия воспитания детей в неполной семье указывается на связь между типом семьи и делинквентностью подростков [Андреева 2002]. Вместе с тем, по данным МВД России за 1999 г., лишь 41,5 % от общего числа несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в центрах временной изоляции, и 38,3% среди состоящих на учете в подразделениях по предупреждению правонарушений несовершеннолетних — это дети из неполных семей [Дементьева 2001, с. 113]. Авторы показывают, что дети в неполных семьях страдают от издержек воспитания [Филиппова 2001, с. 7—9; Елизаров 1995, с. 93—99] и низкого уровня благосостояния, причем вина за низкий образовательный уровень или преступность возложена на одиноких родителей. Однако структура семьи одинокого родителя сама по себе вовсе не является фактором риска для социального развития ребенка. Исследования указывают на то, что этот тип семьи часто рассматривается как груз для бюджета социального обеспечения государств, ввиду чего одинокие матери испытывают стресс стигматизации [Bjornberg 1992, p.1].

Новая проблематизация предметного поля исследований гражданских полномочий монородительских семей представлена такими дискурсивными акцентами, как права человека и многообразие жизненных стратегий одиноких матерей. Проблемы реализации прав женщин в сфере занятости подробно проанализированы М.Е. Баскаковой [Баскакова 1998]. М.М. Малышева рассматривает право на родительство, которое больше, чем какое-либо другое, обладает гендерной спецификой [Малышева 2001, с. 325—326]. Нарушение материнских прав фиксируется в невыплате детских пособий, их крайне низких размерах, в низких размерах заработной платы, а также в высокой стоимости пребывания ребенка в детском саду, в чрезвычайно высоких расходах на содержание и воспитание ребенка. М.И. Либоракина изучает нарушения трудовых и социальных прав женщин в переходный период [Либоракина 1999]. Л.Г. Лунякова осуществляет подробный анализ положения одиноких матерей, приводя свидетельства распространенной практики несвоевременных выплат пособий, бездействия и даже самоуправства местных структур по поводу социальных прав одиноких матерей [Лунякова 1998].

М. Киблицкая провела исследование положения одиноких матерей в четырех российских городах и показала, как ущемляются права этих женщин в экономической и социальной сферах [Киблицкая 1999]. Систематические нарушения прав одиноких матерей фиксируются автором и в сфере занятости, и в других сферах, в том числе социальной защиты (задержка детских пособий),

образования (нежелание заведующих принимать детей в детские сады). Тем самым нарушаются и права детей.

В российской социологической литературе появляются работы, рассматривающие социальный смысл материнства, многообразие причин появления монородительских семей и их вариативные жизненные стратегии. Для исследователей ясно, что «мотивация решения женщин воспитывать ребенка в “неполной” семье может отличаться на различных стадиях жизненного цикла, а благополучие детей также определяться множеством факторов» [Гурко 2000, с. 96]. Однако демографические данные о быстрых темпах роста популяции одиноких родителей нередко сопровождаются драматизированными комментариями, что способствует распространению социальной озабоченности. Важно отметить, что звучит она не только по поводу экономических трудностей у семей, возглавляемых женщинами, но и ввиду идеологических сожалений о разрушении традиционной нуклеарной семьи как социального института [Антонов, Медков 1996; Ярская-Смирнова 1998].

Дискурсивные акценты, расставленные в поле исследований одиноких матерей, оказывают влияние на государственную семейную политику. Сегодня появилось довольно много серьезных работ о положении и правах этих семей в обществе, осуществляется критический анализ государственной социальной политики в отношении одиноких родителей. Однако риторика официальных документов о положении семьи и детей во многом отталкивается от представлений о нормальности нуклеарной семейной единицы. Академические тексты о неполных семьях, посвященные связям между благополучием детей и семейной структурой, подчеркивая асоциальные характеристики воспитания, в значительной степени перегружены тенденциозными рассуждениями о многочисленных рисках, которые поджидают детей и все общество из-за увеличения числа одиноких родителей. Такие тексты стигматизируют одиноких родителей, представляя их виновниками социальных проблем, в то время как подлинные истоки одинокого родительства и вопросы взаимовлияния этого феномена и государственной политики остаются вне поля зрения отечественных исследователей.

Монородительские семьи как объект и продукт государственной политики

Сравнительный анализ убеждает, что семейная политика разных стран весьма разнообразна: одни объявляют законодательно оформленную семейную политику, как, например, Франция, другие, не провозглашая официально, активно ее проводят (Германия, Швеция), третьи поддерживают все типы семей (Финляндия, Дания и др.). Как правило, размер семейного пособия для одиноких родителей более высок. В некоторых странах общественность выступает за отмену увеличенного (или дополнительного) пособия, полагая его причиной уменьшение количества зарегистрированных браков [Лунякова 1998].

Говорят, что государство дружелюбно по отношению к женщинам [Hernes 1987], если оно характеризуется высоким развитием сферы услуг, и в частности услуг по уходу, благодаря чему обслуживающий труд можно переложить на пле-

чи социальной сферы. Дж. Буссмейкер полагает, что обслуживающий труд важен не только с точки зрения распределения прав и ответственности, но и в аспекте качества жизни и соблюдения интересов личности. По ее мнению, в ряде случаев люди предпочитают сокращение рабочего времени, чтобы лично ухаживать за своими близкими, но при этом для них остается важным и расширение возможностей общественного ухода [Буссмейкер 2000, с. 267].

Для понимания положения монородительских семей полезна концептуализация государственной политики в терминах слабой и сильной моделей кормильца (См.: [Мезенцева 2002, с. 199—200]). Как полагают Дж. Льюис и И. Остнер, исторически сложившиеся представления о семье, кормильцем которой является мужчина, в разных странах трансформировались различным образом и в различной степени. О приверженности традиционным представлениям о семье в той или иной стране можно судить по следующим показателям: во-первых, по отношению к женщине в системах налогообложения и социального обеспечения (в частности, кто является объектом налогообложения и социального обеспечения — индивид или семья); во-вторых, по уровню обеспеченности социальными благами, и особенно услугами детских дошкольных учреждений; в-третьих, по особенности занятости замужних женщин [Lewis 1993; Lewis, Ostner 1994].

Перечисленные показатели касаются специфических моделей семьи с мужчиной-кормильцем, характерных для различных стран. Значительно различается в этих странах и положение одиноких матерей, что отражает вариации в уровне благосостояния [Hobson 1994, p.175]. Так, в странах с исторически укорененной сильной моделью семьи с мужчиной-кормильцем, в частности в Великобритании и Ирландии, преобладает неполная занятость женщин, фиксируется неразвитость системы государственных детских дошкольных учреждений и правовой защиты женщин-матерей.

Переходным является такой вариант государства всеобщего благосостояния, в котором ключевой гендерный контракт — семья с мужчиной-кормильцем. В таком государстве (например, во Франции) больше женщин заняты в режиме полного рабочего дня, а также имеется большой набор социальных гарантий для женщин. Это, впрочем, может быть отчасти связано с особенностями системы социального обеспечения, для которой характерен принцип горизонтального перераспределения доходов между семьями с детьми и без детей. Функция «патриархатного контроля» выполняется институтом семьи. Вместе с тем обществом признаются права женщин как жен, матерей и наемных работников [Буссмейкер 2000].

Наконец, к третьему типу государств всеобщего благосостояния (классифицируемых с позиций гендерного подхода) относятся страны, где распространена слабая модель семьи с мужчиной-кормильцем. Для этих стран характерны высокая доля женщин, занятых в режиме полного рабочего времени, индивидуальная система налогообложения и социального обеспечения, развитая сеть государственных детских дошкольных учреждений и возможность беспрепятственного получения родительского отпуска. В таких обществах преобладает модель семьи с двумя кормильцами [Lewis 1992; Lewis, Ostner 1994], а положение семей с детьми не зависит от числа родителей. Примером такого государства является Швеция — мировой лидер по благосостоянию семей, в частности «материнских» [Луныкова 1998].

Рассмотрим, каковы ключевые измерения модели кормильца — доступность услуг по уходу за детьми и возможности занятости для женщин — в российских условиях [Ярская-Смирнова, Романов, Цыглакова 2003]. Именно в направлении создания таких возможностей предпринимались усилия государства на заре социализма. По словам В.И. Ленина, «за два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с “сильным” полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, “демократические” республики всего мира» [Ленин 1978, с. 287]. Женщина начала участвовать в общественном производстве, и ее заработок занимал весомое место в семейном бюджете. Большевики идеологически были привержены политике и мерам, которые отменили нерушимость брака как «буржуазного института»: 16 декабря 1917 г. был принят декрет «О расторжении брака»; почти одновременно в ст. 105 Семейного кодекса 1918 г. устанавливался принцип раздельности имущества супругов.

Правовое регулирование брачно-семейных отношений было полностью подчинено интересам государства и зачастую осуществлялось вопреки реальным потребностям семьи и ее отдельных членов. Под воздействием новых норм морали и права у определенной части населения, в основном молодежи, сформировалось резко отрицательное отношение к браку, выразившееся в росте добровольного безбрачия, ориентации в фактических браках на кратковременное сожитительство [Мацковский 1989, с. 43]. Это привело к умножению числа женщин, воспитывающих своих детей без супруга или партнера. И хотя ориентиры семейной политики и подверглись некоторой редакции на закате сталинской индустриализации, наряду с усилением патриархатного контроля поощрялось равное участие мужчин и женщин в производстве, расширялись возможности общественного ухода за детьми, что способствовало распространению слабой модели кормильца.

Инцидент неполных семей, кроме того, стал заметным в результате войн и репрессий, в особенности в результате Второй мировой войны. На увеличение числа монородительских семей советское правительство тогда отреагировало предоставлением специальных пособий одиноким матерям; им также были даны некоторые преимущества на рабочем месте. Признание особо трудных условий существования семей одиноких матерей впервые зафиксировано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. о прямой материальной помощи многодетным и одиноким матерям. И хотя женщинам было сложно доказать отцовство и, следовательно, заставить отцов поддерживать своих детей, монородительские домохозяйства были под защитой коллективистской системы социального обеспечения, характерной для плановой экономики, в связи с чем основные товары и услуги были дешевыми, а возможности занятости относительно широкими. Государственная поддержка основывалась преимущественно на том факте, что семья содержала детей и что домохозяйство было бедным, нежели на отсутствии второго родителя, так как проблема бедности приобрела официальное признание в поздний советский период [Klugman, McAuley 2001, p. 148]. Поддержки для монородительского домохозяйства как такового по-прежнему было недостаточно.

В семейном законодательстве 1965 г. процедура разводов была упрощена. И хотя матери теперь разрешалось вписывать любое мужское имя в метрику

новорожденного, законом не признавалось равенство незарегистрированных и зарегистрированных браков [Королев 1978, с. 28]. Для российской семьи 1960—1980-х годов уже были характерны высокий уровень разводов, внебрачная рождаемость и ухудшение условий социализации детей. В соответствии с данными переписи 1970 г. Россия и другие страны бывшего СССР (например, Эстония) были среди тех, которые демонстрировали наиболее высокие показатели по числу одиноких родителей в мире и около 12 % всех семей с детьми. Сильная модель кормильца была давно утрачена, и государство стремилось создать условия для распространения слабой модели, когда благополучие семьи не зависит от числа супругов, а женщина может вести автономное домохозяйство. К середине 1980-х годов в СССР выплачивалось 14 видов семейных пособий. На выплаты пяти из них (по беременности и родам, на рождение ребенка, по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, многодетным и одиноким матерям) выделялось 80 % всех средств на семейные пособия [О положении семей 1988, с. 17].

Факторы резкого послевоенного увеличения количества монородительских семей в России и на Западе во многом схожи в том, что касается рынка труда, социальных норм и социальной политики. Однако именно уникальные характеристики советской России сыграли специфическую роль в развитии семейной структуры, в тенденциях ее формирования и распада. В ряде аспектов советский подход поощрял экономическое равенство и независимость женщин теми способами, которые включаются в так называемую модель слабого кормильца [Lewis 1992], иными словами, где все взрослые, кто не учится на дневном отделении, должны быть заняты на оплачиваемой работе. Женская занятость (как доля когорты в трудоспособном возрасте) составляла 92 % в 1970—1980-х годах, причем уровень их образования был значительно выше, чем у мужчин, а жалование женщин отличалось почти на одну треть от жалования мужчин [Айвазова 1998, с. 82—83]. Высоким показателям женской занятости способствовали расширение инфраструктуры, в частности заводских и ведомственных детских учреждений и поликлиник, относительно щедрое вспомоществование для декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком.

Одной из важных привилегий для одиноких матерей была ст. КЗОТа, запрещающая увольнять одиноких матерей с производства до достижения ребенком 14 лет. Кроме того, существовали квоты на предприятиях и в органах, ответственных за распределение жилой площади, для одиноких матерей. Хотя эти льготы не всегда соблюдались, тем не менее профсоюзные организации на предприятиях в советское время нередко предлагали льготные путевки в пионерлагеря и санатории, учитывая их тяжелое положение. Также были бесплатные ясли и детские сады, обучение в школе, детские обеды.

Материальные потребности семей с низким доходом начали признаваться государством с 1974 г., когда были введены целевые денежные выплаты для малообеспеченных семей. Озабоченность государства положением детей в монородительских семьях проявилась в учреждении в 1980-х годах скромных мер по их поддержке, включая небольшие денежные выплаты и предоставление одиноким матерям места в детском саду вне очереди по сравнению с замужними матерями.

Материальная помощь, которую получали одинокие матери, никак не способствовала улучшению качества их жизни. Для понимания специфики советской государственной политики в отношении женщин модель слабого кормильца следует дополнить такой аналитической метафорой, как «контракт работающей матери». Этот гендерный контракт подразумевает обязательность «общественно полезного» труда советских женщин и выполнения ими миссии матери «как женского природного предназначения» и гражданского долга [Здравомыслова, Темкина 2002].

Важная особенность советской социальной политики состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров. С конца 1980-х годов многие из этих предприятий подвергались реструктуризации и банкротству, лишив тысячи людей работы и средств к существованию. В ходе муниципализации социальных сервисов (детских дошкольных учреждений, клубов, домов отдыха, санаториев, профилакториев, поликлиник), ранее принадлежавших конкретным градообразующим производствам, эти объекты переходили в ведение местной администрации. Экономический кризис и недостаточность ресурсов местной власти во многих случаях привели к сокращению социальных сервисов, их перепрофилированию, сокращению оказываемых услуг. Снижение роли государства и предприятий в социальной защите и предоставлении услуг означало, что расходы и ответственность все более перекладывались на домохозяйства и сети родственной поддержки. Все это сыграло решающую роль в снижении уровня жизни большинства монородительских семей.

Переход к рыночной экономике разрушил основы советской системы социального обеспечения, усилив экономические трудности, традиционно испытываемые монородительскими семьями. В начале 1990-х годов на фоне недостаточного финансирования государственной социальной политики существенно упал уровень реальных зарплат и соответственно способность домохозяйств и индивидов самостоятельно покрыть свои расходы [Овчарова, Прокофьева 2002, с. 36—45]. Экономическая реформа в России повлияла на снижение государственных трансфертов, уменьшение количества субсидируемых государством детских дошкольных учреждений и ухудшила возможности женщин на рынке труда. Ослабление и без того незначительной государственной поддержки привело к эрозии семейной стабильности и оставило одиноких матерей лицом к лицу с увеличивающимся риском бедности, повысив роль занятости и заработка женщин как фактора благосостояния детей в монородительских домохозяйствах.

В переходный период занятость женщин претерпела существенные изменения, и хотя некоторым россиянкам переходный период предоставил новые возможности, в целом развитие рынка труда было весьма неблагоприятным для женщин [Women in Transition 1999]. В течение переходного периода уровень занятости упал на 12 процентных пунктов среди женщин в возрасте 15—59 лет и на 17 процентных пунктов среди женщин в возрасте 15—29 лет. Приватизация оказала неравномерное влияние на женщин и мужчин [Либоракина, 2002, с. 250—258], и по сравнению с мужчинами степень перемещения женщин из бюджетного сектора в частный оказалась намного ниже. В связи с этим значимые различия в зарплате женщин по сравнению с мужчинами объясняются гендерной

сегрегацией рынка труда и рабочей силы [Мезенцева 2002, с. 26—29]. Женская занятость и сегодня по-прежнему сильно сконцентрирована в общественном секторе, на низкооплачиваемых должностях государственных учреждений [Айвазова 1998, с. 91—93].

С одной стороны, ряд тенденций переходного периода в России упрочил модель сильного кормильца и представление, что мужчины являются основными добытчиками для семьи, а женщины — зависимыми женами [Motivans, Klugman 2001, p.15]. На протяжении переходного периода предоставление услуг детских дошкольных учреждений и других услуг, обеспечивающих уход за детьми школьного возраста в то время, пока родитель или родители работали (например, «продленный день» в школе, летние пионерские лагеря и внеучебная деятельность), резко сократились или удорожались, что создало значительные трудности для родителей с низким доходом. Обеспеченность услугами по уходу за детьми снизилась, охватывая теперь лишь одного из пяти в возрасте до трех лет и чуть более трех из пяти в возрастной группе от 3 до 6 лет. Это было связано как со снижением числа детских учреждений (27 000 детских садов было закрыто с 1989 по 1997 гг. [Motivans, Klugman 2001, p.16]), так и со снижением спроса в силу высоких цен.

С другой стороны, анализ потребностей одиноких матерей и предоставления им социальных прав гражданства обнажает противоречивые тенденции переходного периода в отношении к модели кормильца. Снижение зарплат и растущая безработица в сочетании с ограниченной и снижающейся публичной поддержкой детей вроде бы должны были привести к усилению зависимости женщин от мужчин и задержать рост количества материнских семей. Именно это обстоятельство удивляет некоторых зарубежных авторов [Motivans, Klugman 2001, p.18], поскольку все большее число женщин идут на развод и внебрачное рождение детей. С нашей точки зрения, экономическая зависимость скорее привязывает женщин к их родителям и другим родственникам, чем к супругу, особенно в случае рождения ребенка вне брака, смерти или ухода супруга/партнера из семьи. Сегодня налицо факт роста не только монородительских, но и расширенных семей, поскольку многие одинокие родители вынуждены переселяться к своим родителям или другим родственникам в основном из-за экономических ограничений. Кроме того, в ряде случаев женщины берут на себя роль единственного кормильца в семье как в отсутствие супруга, так и в ситуации, когда он теряет работу [Тартаковская 2000; Козина 2000]. И в этом случае зависимость женщины от мужчины не имеет экономического смысла.

Существуют три главных фактора, которые влияют на реализацию полноценного социального гражданства одиноких матерей, позволяя им быть относительно автономными экономическими субъектами и получать гарантии достойной жизни для себя и своих детей. К этим факторам относятся: во-первых, низкая способность одиноких женщин с детьми зарабатывать; во-вторых, неадекватный уровень поддержки со стороны как зарегистрированных, так и незарегистрированных отцов; и, в-третьих, низкий уровень государственной поддержки и выплат (трансфертов) для семей одиноких матерей [Popkin, Harris, Lokshin 2000].

В силу снижения государственной поддержки, которая сопровождала экономическую реформу в России, одинокие матери, сталкиваясь с более высоким

риском бедности, все с большей вероятностью предпочитают объединяться с другими взрослыми или с родственниками. Половина всех одиноких матерей в России живут с родителями, взрослыми братьями и сестрами или другими взрослыми родственниками. Помощь от родственников важна для семей одиноких матерей, и эта помощь, включая разделение домашних обязанностей и ухода за ребенком, более эффективна и продуктивна, когда одинокий родитель живет в расширенной семье. Другая часть одиноких матерей живут в независимых условиях и встречают возрастающий риск бедности. Исследования зафиксировали, что семьи, возглавляемые матерями, живущими самостоятельно, испытывают более высокий уровень бедности по сравнению с одинокими матерями, проживающими в расширенных домохозяйствах [Иванова, Михеева 1999]. Совместное проживание одинокой матери с другими родственниками имеет ряд преимуществ, однако ведет к потере автономности, приватности.

Таким образом, сам факт, что женщина является одинокой или разведенной матерью, не должен рассматриваться в изоляции, поскольку он очень часто взаимосвязан с другими факторами, такими, как ее социальное положение, возраст, национальность, наличие родственной поддержки, наличие работы, и, наконец, с тем, где она живет [Киблицкая 1999]. Поскольку личные стратегии женщин бывают ограничены локальными возможностями, одна и та же одинокая мать может быть дважды и трижды дискриминирована по разным признакам — в зависимости от места жительства, национальности, уровня образования, накопленного социального капитала. В связи с этим развитие специальных программ помощи одиноким матерям должно происходить не обобщенно, для всех одиноких матерей, а только с учетом их социального положения, числа детей, наличия родственной поддержки, места в социальной системе определенного города, финансовой позиции [Киблицкая 1999].

Система социальной защиты, стремясь снизить негативное влияние рыночных преобразований на уязвимые группы населения, стала оперативно реагировать на обостряющиеся социально-экономические проблемы. Поскольку численность населения, нуждающегося в социальной защите, постоянно росла, то при сохранении основных социальных обязательств и принципов социальной поддержки советского периода дополнительно появились новые виды социальных пособий и льгот на федеральном, региональном и местном уровнях [Овчарова, Прокофьева 2002, с. 46]. Результатом такого развития системы социальной защиты стало чрезвычайное многообразие различных форм и видов социальной поддержки при одновременном невыполнении социальных обязательств государства перед населением.

В соответствии с Федеральным законом № 81 от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» существуют следующие виды пособий: по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинское учреждение в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком по достижении им возраста полутора лет; ежемесячное пособие на ребенка. Размер ежемесячного пособия на ребенка увеличивается на 100 % на детей одиноких матерей и с 01.01.2001 г. составляет 140 рублей.

При полной ликвидации предприятия, учреждения, организации гарантируется трудоустройство женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, одиноких матерей [Указ Президента РФ № 554], запрещается отказывать женщинам в приеме на работу и снижать заработную плату по мотивам, связанным с беременностью и наличием детей. Для матерей-одиночек, имеющих трех и более детей, предусмотрены дополнительные гарантии и компенсации [Указ Президента РФ № 431].

Практика показывает, что эти правила далеко не всегда и не везде соблюдаются. Как известно, «наиболее развитая ранее часть социальной помощи — пособие на детей — сегодня по своему уровню составляет 5 % от прожиточного минимума и отличается систематическими неплатежами» [Римашевская 2002, с. 1]. Этим усиливается разрыв между декларируемой и реальной ситуацией в сфере социальных гарантий одиноким матерям, наметившийся в поздний советский период.

Важной характеристикой, которая оформила современную социальную политику, является децентрализация социальных расходов. Более 80 % расходов на образование и здравоохранение несут сейчас региональные правительства, причем объем бюджета в регионах сильно дифференцирован. Как отмечают западные исследователи, система перераспределения от более богатых к более бедным регионам Российской Федерации примечательно слаба [Stewart 1997] и различия в возможностях разных регионов страны финансировать социальные программы существенно возрастают [Motivans, Klugman 2001, p. 13]. И хотя на региональном уровне разрабатываются дополнительные меры поддержки социально уязвимых слоев населения, масштабы этой помощи существенно разнятся в субъектах Российской Федерации.

Как свидетельствуют данные по России в целом [Овчарова, Прокофьева 2002, с. 50], размеры адресной социальной помощи и охват ею населения не адекватны масштабам бедности в России. Последствия реформ для мужчин и женщин из бедных городских семей существенно различаются [Тихонова 2003]. Изменение структуры детских пособий, повышение размеров выплат, введение адресности и специальной помощи детям одиноких родителей характерны для современного этапа развития социальной политики российского правительства. Однако, даже если принять факт существующих бюджетных ограничений, нынешняя ситуация далека от оптимальной. Одиноким матерям оказывается беспрецедентно низкая публичная поддержка, при этом отцы зачастую безнаказанно пренебрегают своими обязанностями. Стоимость и доступность услуг по уходу за маленькими детьми может иметь существенное влияние на занятость женщин и, следовательно, на жизненные стандарты монородительских домохозяйств.

Конструирование статуса клиента в системе адресной помощи одиноким матерям

Каждый гражданин, реализуя условия социального гражданства как особого контракта между государством и индивидом, имеет право на гарантии своего

статуса, в том числе на льготы, пособия, пенсии, доступные и качественные услуги. Тем самым в иные периоды жизни и в особых обстоятельствах индивид становится клиентом, или пользователем, системы здравоохранения, социальной защиты, занятости, образования. Вместе с тем, как упоминалось выше, статус гражданства несводим лишь к набору социальных прав, а гражданин не ограничен в своей жизни лишь ролью клиента.

С нашей точки зрения, злоупотребление отношениями клиентства как со стороны социальных служб и занятых в них работников, так и со стороны потребителей социальных услуг сужает жизненные шансы субъектов и приводит их к порочному кругу зависимости от системы собесов. Эта зависимость, как мы покажем, формируется в условиях слабости гражданского общества и недостаточно эффективной работы специалистов, учреждений, всей системы социальной защиты. В результате дефицит ресурсов для противостояния жизненным трудностям не восполняется и потребитель услуг превращается в клиента со стигмой проблемности, беспомощности и бесполезности. О том, что стигма не только воспроизводится во внешнем контексте, но и действует на внутренний мир субъекта, хорошо известно еще из работ И. Гофмана [*Goffman 1986*]. Он же исследовал отношения между сотрудниками учреждений и их клиентами, применяя драматургический подход, и показал, что наблюдаемая конформность клиентов является не чем иным, как приемом, аналогичным сценической игре, поскольку система требует от бедных заранее оговоренных доказательств их бедности.

В России, как и в ряде других стран, социально уязвимые группы населения представляют собой особую символическую категорию — клиентов системы социальной защиты. Очевидно, что человек становится клиентом не сам по себе, а только посредством классификационных процедур, совершаемых в социальной службе. Отношения людей с социальными службами, центрами занятости, биржей труда строятся под влиянием идеологии конкретного государства; оформляются специфические определения и самоопределения людей в качестве клиентов с вытекающими отсюда последствиями как для индивидуальных биографий, так и в структурном масштабе.

Как показала М. Киблицкая, многие одинокие матери сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав в сфере занятости, на рынке труда, с унижением и откровенной грубостью при общении с социальными органами, призванными помогать и поддерживать особо незащищенные категории населения. Они сталкиваются и с неприкрытой неприязнью или полным безразличием тех официальных бюрократившихся органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу на уровне предприятия или организации, где они работают [*Киблицкая 1999*].

Л.Г. Лунякова в исследовании выявила ряд подобных случаев в г. Рыбинске. По ее свидетельству, администрация города не очень-то ратует за семьи, стоящие на учете в управлении социального обеспечения, а многие «материнские» семьи причисляет к маргинальным. Бытует мнение, что люди не хотят работать и специально не регистрируют браки, чтобы, рожая детей, получать стабильные ежемесячные выплаты, которые иногда превышают размер реальной заработной платы [*Лунякова 1998*]. По словам чиновников, приведенным в статье Луняковой, в Рыбинске, как и в любом другом городе, есть асоциальные

семьи, в которых пьющие женщины рожают детей от разных отцов и не скрывают, что делают это ради получения денег: «Пособие в животе ношу». С нашей точки зрения, подобное мнение отражает установку на стигматизацию бедных и отверженных. Вместо того чтобы повышать эффективность социального обслуживания и создавать комплексные программы реабилитации для лиц, испытывающих зависимость от алкоголя и других психоактивных веществ, создавать условия для их социальной адаптации, государственные служащие привычно обвиняют во всем женщин и их семьи.

В современной России женщины являются основными потребителями социальных услуг; многие учреждения социальной защиты именуется управлениями по делам семьи, женщин и детей. Среди клиентов центров социального обслуживания преобладают пожилые женщины, сюда же приходят за пособиями и натуральной помощью матери-одиночки и многодетные матери. Женщины вместе со своими детьми-инвалидами посещают реабилитационные центры, в кризисных центрах и отделениях экстренной помощи — вновь женщины. Именно они оказались сегодня основным объектом реформаторской деятельности отечественных экономистов. Речь идет о трансформации системы социального обеспечения, связанной с переходом на адресную помощь.

До недавнего времени распределение пособий строилось почти исключительно на характеристиках реципиентов. Как указывают С.Н. Смирнов и И.В. Колосницын [Смирнов, Колосницын 2000], принадлежность к той или иной категории населения позволяла гражданам (в частности, одиноким матерям, одиноко проживающим пенсионерам и другим) получать социальные пособия. Неэффективность такой системы в современной России зависит от следующих обстоятельств: доля лиц, получающих социальную помощь, среди тех, кто не относится к числу бедных по критерию текущих доходов, даже выше, чем доля получателей среди бедных. Размеры выплачиваемых пособий среди бедных и небедных почти не различаются между собой. Доля социальных пособий относительно общего объема расходов бедных семей ничтожна и не превышает 2 %. Почти 90 % всех бедных семей не получают никакой социальной помощи. Поскольку этот подход по ряду параметров оказался малоэффективным, акцент в решении проблемы социальной помощи был перенесен на обеспечение адресности. Адресность включает прежде всего отмену категориальных льгот и субсидий, перевод их в форму денежных выплат, доплат к жалованью. В качестве критерия адресности предлагается использовать уровень душевых доходов в домохозяйстве, членом которого является потенциальный реципиент социального пособия; необходимо учитывать и социальный состав домохозяйства, его материальные и денежные активы, а также доходность [Смирнов, Колосницын 2000].

На практике же сегодня бедные вновь делятся на достойных и недостойных, но уже не буквой закона, а посредством фэйс-контроля, осуществляемого социальным работником. Система адресности (более, чем это было раньше) опирается на деятельность социальных работников, проверяющих степень нуждаемости и достоверность заявлений клиентов. Процедуры и технологии определения нуждаемости недостаточно прописаны, так же, как и юридический статус таких процедур. Поэтому весь этот процесс без всякого обсуждения

передан на откуп исполнителям, которые руководствуются в этой области бытовыми определениями, стереотипами и корпоративными неформальными нормами. Следует помнить и о присущих советским организациям неформальных практиках, когда доступ к ресурсам определяют личные знакомства, а не формальные регуляции. Наше исследование выявило подобные практики в сфере социальной защиты, когда личные знакомства играют решающую роль в распределении довольно скромных ресурсов натуральной или денежной помощи.

Следует отметить, что адресная помощь, хотя и призвана повысить эффективность системы социального обеспечения, пока еще негативно сказывается на наиболее незащищенных слоях населения, в первую очередь на женщинах. Женщинам с маленькими детьми приходится собирать массу справок, чтобы реализовать свое социальное гражданство — доказать гарантированное им государством право на получение пособия, мизерная сумма которого и регулярные задержки выплат совершенно не меняют их положения.

Работа социальных учреждений для тех наших респондентов, которые имеют опыт взаимодействия с социальной службой малого города, ассоциируется с записями и формулярами. Это специфический образ казенного отношения к человеку. Негативные аспекты взаимодействия с системой и ее представителями, в значительной степени социальными работниками, как можно увидеть из интервью, связаны с неэффективной бюрократией, которая регламентирует оказание социальных услуг, жизненно важных для того, чтобы человек мог выйти из тяжелой жизненной ситуации. Например, Ирина, испытывая нужду и не получая никакой финансовой поддержки, кроме пособия на детей, рассчитывала, устроившись на работу, поправить свое материальное положение, однако трудоустройство зависело от необходимости пристроить ребенка трех с половиной лет в детский сад.

Получение социальных услуг для женщин, у которых мы брали интервью в малом городе Саратовской обл., ассоциируется с борьбой, преодолением, даже в тех случаях, когда система помощи, казалось бы, должна работать гладко, направляемая определенными правилами. Одна из наших собеседниц рассказала, как ей удалось добиться, чтобы *«детские стали перечислять. Я тогда после этого сразу стала получать, быстрее. А то было так, с мужьями живут и получают деньги, а мне не перечисляют. Раз не перечислили, второй не перечислили. Наплакалась, пошла на прием. Сказала инструктору: "Привезу ребятшек своих к вам, и кормите тогда!" И вот мне... стали выдавать деньгами»* (Зоя, 36 лет, г. Красноармейск). Для Зои символические угрозы и шантаж представляются более действенным средством, чем апелляция к правилам, правам и законам.

Для многих взаимодействие с социальными службами означает получение гуманитарной помощи — продуктов, одежды. В значительной степени это помощь такого рода, что ее нужно брать не ропща, — старые вещи, не всегда подходящие по размеру. Впрочем, для многих клиентов социальных служб гуманитарная помощь оказывается спасительной в условиях, когда не достает собственных ресурсов.

Получение натуральной помощи вещами и продуктами в социальных сервисах в ряде случаев имеет вид борьбы за доступ к ограниченным ресурсам, которая протекает в условиях недостаточной информированности. Наши собеседницы из малых городов области ощущали изолированность, исключение из

социальных контактов, что мешало быть в курсе программ помощи на местном уровне. *«Мы сами не ходим и не узнаем, и они не заходят и не говорят»* (Ирина, 27 лет, г. Красноармейск).

Для Зои натуральная помощь заняла устойчивое место в ее жизненном подходе к совладанию с трудностями, поэтому в том случае, когда подобная помощь не приходит и не оправдывает надежд, такое событие расценивается как крушение планов, особенно учитывая ценность информации, полученной с таким трудом. Следует иметь в виду, что служащие социальных сервисов действительно подчас находятся в тех же условиях нужды, низких доходов, что и сами клиенты, и определение нуждаемости может происходить «на глазок», на взгляд сотрудника службы, подчас находящегося в весьма бедственных жизненных обстоятельствах.

Заработная плата работников социальной сферы составляет сегодня менее 60 % прожиточного минимума и «фактически превратилась в социальное пособие, что способствовало появлению наряду с традиционными “бедными” (инвалиды, пенсионеры, многодетные и неполные семьи) еще одной категории бедных (характерной в основном для России) — “работающие бедные”, т. е. работники, у которых заработная плата не обеспечивает величины прожиточного минимума» [Чекорина, 2002, с. 172]. Конечно, этот факт не оправдывает неэтичного поведения сотрудников государственной организации, однако позволяет обнажить в современной России новые ракурсы проблемы отношений клиентов и социальных работников, среди которых преобладают женщины (См. об этом: [Ярская, Ярская-Смирнова 2002, с. 74—82]). Как рассказала нам специалист по социальной работе, *«иногда бывает так, что приходят [клиенты], помощь требуют, а сами же сотрудники [говорят]: “Нам самим есть нечего, нам самим зарплаты не давали, у нас зарплата меньше вашей, нам самим помогать надо, а тут ходим — вам помогаем. Чего-то еще требуете?!”»* (социальный работник, г. Красноармейск). Маргинализация работников социальных служб, безусловно, отражается на эффективности их деятельности.

Как указано в проекте концепции адресной помощи населению Саратовской обл., «нуждаемость семьи и одиноко проживающего гражданина в получении адресной социальной помощи определяется органами социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания в соответствии с Федеральным законом “О государственной социальной помощи”» [Концепция развития системы... 2002]. Органы социальной защиты вправе выборочно проверять правильность предоставленной заявителями информации любыми способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации, и лишать претендентов права на статус при обнаружении обмана [Смирнов, Колосницын 2002]. В связи с этим работа по принципу адресности придала амбивалентность профессиональной идентичности социальных работников: *«А вот меня задевает эта адресная помощь»* (социальный работник, г. Красноармейск).

Социальные работники были согласны с введением адресной помощи, поскольку получили больше полномочий контролирующего свойства. Вместе с тем принимать решение о том, кто достоин, а кто не достоин пособия, оказалось не так просто. При этом социальный работник полностью осознает свою роль агента государственного бюрократического контроля, и это вступает в противо-

речие с человеческими отношениями, о которых так любят говорить в социальных службах.

Отметим, что такой индикатор нуждаемости, как попадание женщины в категорию «матери-одиночки», себя не оправдывает, поскольку к установлению юридического статуса теперь добавляется проверка фактического наличия у женщины партнера. Женщины, которых подвергают проверкам, постоянно вынуждены доказывать, что они — одинокие. Напомним, что в соответствии с законодательством вдовы и разведенные женщины не подходят под категорию матерей-одиночек, поэтому им нужно представлять доказательства своей малообеспеченности, или нуждаемости [Концепция развития системы... 2002]. Этот термин является новым эвфемизмом, введенным в дополнение к понятию малообеспеченности для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что не каждый достоин получать помощь от государства.

Для некоторых соло-матерей предоставление дешевой гуманитарной помощи представляется еще одним инструментом депривации и социальной несправедливости, выражающейся в неравенстве доступа к каким-либо ресурсам клиентов разного статуса — многодетных и одиноких матерей. Неравенство статусов клиентов, небесспорные и непрозрачные критерии разделения на тех, кто более или менее достоин помощи, порождает внутренние конфликты и чувство отверженности у таких людей.

В нашем исследовании подтвердились выводы М. Киблицкой о низкой информированности одиноких матерей. Это касается широкого круга вопросов — от незнания своих прав до отсутствия знаний об услугах Центра помощи, каких-то отдельных бенефиций и ресурсов. Большую роль в оформлении таких отношений играет унаследованная от Советского Союза неопределенность в отношениях между государством и индивидом. Эта неопределенность заключается в неуверенности людей в том, что их права можно защищать и отстаивать рациональными правовыми способами.

Подобная ситуация в наибольшей степени характерна для малых городов и сельской местности, где формальные ресурсы поддержки весьма ограничены, а неформальные зачастую утеряны или слабо активизированы. И хотя доля домохозяйств одиноких родителей в сельской местности ниже, чем в городской, эти домохозяйства испытывают самые высокие уровни бедности и, вероятнее всего, живут самостоятельно. Сельские домохозяйства одиноких родителей, большинство из которых являются «материнскими» семьями, могут не иметь такого же доступа к расширенной семье и другим формам совместного проживания в сельской местности, каким располагают горожане. Со всей очевидностью встает вопрос активизации и формирования естественных и искусственных сетей поддержки. Тем самым становится актуальным развитие таких форм социальной работы, как работа с сообществом и экосистемная модель.

У большинства наших собеседниц отсутствуют те алгоритмы взаимодействия с государственными и негосударственными институтами, которые могут обеспечить устойчивое разрешение возникших проблем. Речь идет не только о низкой осведомленности женщин. Сама доступность таких ресурсов, как разнообразные государственные сервисы и негосударственные фонды, женские организации, действующие в целом ряде крупных городов, в провинции оказывается под большим вопросом: «*Может и есть какие-то организации, которые*

помочь могут, у нас тут — навряд ли, навряд ли» (Ирина, 27 лет, г. Красноармейск).

Некоторые наши собеседницы из малых городов вообще не позиционируют себя в поле социальной поддержки. Однако для них роль клиента неприемлема не потому, что они автономны от системы социальной защиты, а потому, что эта система практически не распространяет на них свое воздействие.

Способность женщин быть независимыми экономическими субъектами отражает степень реализации их социального гражданства. Показательным является то, что вся помощь в поисках работы держится только на личных связях. В иных же случаях формальный порядок не всегда соблюдается, и это приводит к нарушению прав женщин, которым отказывают в работе только потому, что они имеют детей.

Среди одиноких матерей значительно больше работающих, чем среди замужних женщин с детьми. Восемьдесят один процент одиноких матерей, живущих с детьми, по сравнению с 71 % матерей в нуклеарных семьях, входили в состав рабочей силы по данным на конец 1996 г. [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Между тем многие из этих женщин сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав в сфере занятости, на рынке труда: порой им приходится испытывать на себе неприкрытую неприязнь или полное безразличие тех официальных органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу на уровне предприятия или организации, где они работают: «Я в свое время стояла на бирже труда. Я прекрасно помню, меня направляли туда, где были рабочие места. И, когда там узнавали, что у меня двое малолетних детей, мне просто отказывали. Вот, например, в ПТУ № 15 мне сказали, что [если] дети будут болеть, я буду уходить на больничный. Им это невыгодно. Я говорю: “Ну, напишите мне официально, что вы отказываете только по этой причине”. Не стали писать. Я пыталась подрабатывать на рынке продавцом. Но, если я полный день нахожусь на рынке, дети вообще остаются безнадзорными. Мне некому помочь, родителей нет» (Любовь, 40 лет, г. Балашов).

Именно в таких ситуациях могла бы проявить себя проактивная стратегия учреждений социальной защиты, специалистов социальной работы, которые призваны создавать условия для полной реализации социальных прав одиноких родителей.

По данным опросов, одинокие родители, проживающие в больших городах России, с более высокой вероятностью проживают совместно с другими родственниками по сравнению с одинокими родителями в сельской местности. Крупные городские зоны (Москва, Санкт-Петербург) испытывают дефицит жилья, что затрудняет ситуацию одинокого родителя, желающего жить самостоятельно. Кроме того, здесь жилье дороже и выше показатели занятости женщин в силу растущих возможностей занятости, что повышает необходимость совместного проживания с другими членами домохозяйства, чтобы иметь возможность работать [Popkin, Harris, Lokshin 2000].

Те же, кто находит возможность зарабатывать и содержать ребенка в детском дошкольном учреждении, выражают тревогу по поводу потери работы ввиду их частых пропусков по уходу за болеющими детьми. Для одиноких матерей проблема совмещения работы с уходом за детьми — одна из наиболее острых. Например, наша собеседница Мария «мечтала остаться: ...ничего

тоже не получилось — из-за детей. Потому что меня там никто не будет держать, потому что мне сейчас нужен свободный график работы» (Мария, 30 лет, г. Саратов). Исследователи отмечают, что трудовые биографии женщин соответствуют циклам воспитания детей — потеря работы, уход из вуза у многих совпадают с рождением ребенка, а дальнейшее трудоустройство, переходы с одной работы на другую — с взрослением, поступлением ребенка в детский сад, школу, вуз. У матерей-одиночек, многие из которых лишены поддержки в домохозяйстве, такие циклы влияют на биографию особенно сильно [Овчарова, Прокофьева 2002, с. 51—52].

Нередко старшие дети принимают на себя груз домашних забот, что дает одинокой матери возможность поддерживать свою относительную автономию. Как показывают опросы домохозяйств, число старших детей в семье повышает вероятность того, что одинокие родители живут самостоятельно [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Старшие дети могут внести вклад в бюджет домохозяйства, работая и заботясь о младших в семье. Отметим, что и данные шведских социологов свидетельствуют, что монородительские семьи практикуют эгалитарные отношения в силу большей взаимозависимости между взрослым и ребенком в повседневной работе в домохозяйстве [Bjornberg 1992].

Наибольший компонент дохода домохозяйства одиноких матерей составляет заработная плата; эта доля на 10 % выше, чем в целом для населения. Кроме того, доля правительственных и частных трансфертов в семейный бюджет значительно выше для домохозяйств с одинокой матерью, чем для среднего российского домохозяйства. При этом в домохозяйствах, где одинокая мать живет со своими родителями и детьми, доля дохода от пенсий выше, чем доля дохода от зарплаты. В то же время для домохозяйств, где проживают лишь одинокий родитель с детьми, доля дохода от пособий почти в семь раз ниже, чем доля дохода от зарплаты [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Смысл этих статистических выкладок можно выразить риторическим вопросом одной из наших собеседниц: «Вы 70 рублей называете пособием? (Смеется)» (Марина, 36 лет, г. Балашов).

Женщинам приходится искать дополнительный заработок, но, во-первых, такой заработок отнюдь не всегда большой и стабильный, во-вторых, его не так просто найти (учитывая, что женщина много времени проводит на основной работе), в-третьих, женщине приходится меньше времени уделять детям. В более выгодном положении находятся одинокие матери, проживающие с родственниками или рядом с ними. Опрошенные не получают алиментов, которые, впрочем, даже при условии их выплат составляют весьма незначительную сумму. По существующему законодательству после развода отец должен выплачивать на одного ребенка одну четвертую часть заработной платы, на двоих — одну треть, а если он нигде не работает, алименты составляют 900 рублей в месяц на одного ребенка. Однако существуют варианты избежания уплаты алиментов; причем получить их даже с помощью системы судебных приставов почти невозможно. Некоторые из опрошенных женщин считают, что и подавать на алименты не стоит, если отец отказывается добровольно их платить.

По данным опросов домохозяйств, несмотря на высокий уровень разводов, алименты составляют лишь небольшую часть совокупного дохода домохозяйств. Их доля не превышает 5 % в каждом раунде исследований RLMS, проводимых в

России; она намного меньше, чем вклад отца, и меньше, чем деньги, которые приносит в бюджет домохозяйства второй работающий член в нуклеарной семье [Popkin, Harris, Lokshin 2000]. Общественная организация — Комитет по алиментам — провела в 2002 г. в одном из округов г. Москвы опрос лиц, воспитывающих несовершеннолетних детей, в ходе которого выяснилось, что лишь каждая восьмая женщина получает полагающиеся ей алименты. При этом нередко бывает так, что приличные суммы получают женщины, имеющие нового богатого мужа и хорошо зарабатывающие сами, тогда как бедные матери не получают ни копейки. Более половины опрошенных разведенных женщин не вступили в новый брак, не получают алиментов от отца своих детей [Воронина 2000]. И. Калабихина справедливо поднимает вопрос о том, что система выплаты алиментов как модель отношений между отцом и ребенком морально устарела. Происходит это потому, что «инерция распределения семейных ролей, характерная для советского времени, когда, несмотря на высокую занятость, женщины практически полностью несли ответственность за воспитание детей, и сегодня продолжает формировать отношения отцов и детей» [Калабихина 2002, с. 102]. Безучастность второго родителя (как правило, отца) к воспитанию детей является продуктом гендерной системы советского периода.

Позиция государства характеризуется противоречием: декларируется активная политика занятости, делается акцент на ответственности родителей за благополучие своих детей при одновременной политике низких ассигнований детям одиноких матерей. Тем самым игнорируются особые потребности монородительских семей. Косвенным образом воспроизводится установка, что альтернативное родительство, отличающееся по своей структурной композиции от нуклеарной семьи, является неверным и наказуемым.

Способы совладания с жизненными трудностями воплощаются не только в формировании той или иной композиции домохозяйства и поиске заработка. Стратегии защиты одинокими матерями своих прав, как показывают исследования, можно условно разделить на три типа [Киблицкая 1999]. Так называемый пассивный подход, состоящий из политики ожидания лучших времен в сфере занятости и социального обеспечения, сочетается с достаточно активной позицией в неформальном секторе экономики. Второй подход представлен в некоторых (в частности шахтерских) регионах активными попытками доведенных до отчаяния женщин улучшить свое положение, а третий состоит в том, что одинокие матери используют любые неформальные механизмы для защиты своих прав.

«Запах бедности»:

классификации материального достатка

Важным аспектом деятельности социальных работников является то понятийное пространство, в котором формулируются проблемы клиентов. Одинокие матери из малых городов в интервью подчас приводили резкие самоопределения: «Особенно когда выезжаешь в какие-то крупные города, я считаю свою семью совсем нищей. Во многом приходится себе отказывать» (Марина, 36 лет, г. Бала-

шов); «Я нищая. Я не то что бедная, я нищая, самая натуральная нищета. Как вот в школу дети ходят, такие все нарядные. А у нас...» (Зоя, 36 лет, г. Красноармейск); «Не то слово бедная. Уже можно сказать, что и нищая» (Наталья, 32 года, г. Красноармейск).

И хотя социальные работники в интервью признают, что приходят к ним те, кто «действительно находятся за чертой и вряд ли их даже можно назвать бедными, ну, нищие» (социальный работник, г. Красноармейск), в учреждениях социальной защиты используется термин, соответствующий современному дискурсу социального гражданства. Понятие «бедность» почти не используется в профессиональной риторике. Вместо этого «в Центре говорят “малообеспеченный”» (социальный работник, г. Саратов). Этот эвфемизм, с одной стороны, должен снизить остроту проблемы символическими средствами, а с другой — маскирует то обстоятельство, что условия жизни и доходы рядовых социальных работников мало чем отличаются от условий жизни клиентов.

Положение одиноких матерей, являющихся клиентами социальной службы, в областном центре в целом лучше по сравнению с теми, кто проживает в малом городе. Условия жизни в малом городе более тяжелые, чем в областном центре: здесь ниже уровень зарплат, многие дома не оборудованы центральным отоплением, водопроводом и канализацией. Однако спад производства и экономический кризис привели к значительному обнищанию населения, появлению так называемых новых бедных как в крупных городах, так и в районных центрах. Речь идет о тех представителях советского среднего класса, которые сравнительно легко поддерживали средний уровень жизни в СССР, но оказались в неблагоприятной ситуации в условиях трансформации.

Отвечая на вопрос, считают ли они себя бедными, одинокие матери в г. Саратове отвечали несколько иначе, чем наши собеседницы в малых городах: «Ну, наверное, немножко, да. Потому что одежду на детей я не покупаю» (Мария, 30 лет, г. Саратов); «По деньгам — да, [бедная], а вообще по жизни — нет» (Катя, 43 года, г. Саратов); «Да ну, нет. Мы не бедные. Мы никогда не были бедные. Мы никогда не были богатые: мы были, так скажем, средними слоями, да? <...> Ну а сейчас сложно, во-первых, потому что сейчас вообще сложно жить, а во-вторых, просто не хватает денег» (Нина, 40 лет, г. Саратов).

Объяснение же бедности социальным работником вытесняет одиноких матерей как клиентов социальной службы в отдельную группу, отягощенную особыми проблемами. При этом причины бедности усматриваются не в структурном социальном неравенстве, а в психологии конкретных людей, в особых жизненных обстоятельствах: «Это их надо спросить — почему? Может быть, характер не тот, ну не знаю. Может, воспитание не то, окружение не то, ситуация другая, жизненные обстоятельства, сложившиеся, абсолютно разные... я не знаю, может, чисто психологические черты личности самой, вообще философия жизни у каждого своя. Вот у них она абсолютно отлична от моей все-таки» (социальный работник, г. Саратов).

В социальной службе не анализируют причины бедности. Измерение же бедности социальными работниками осуществляется самыми разными способами. В первую очередь это внешние оценки, появляющиеся после осмотра жилища. Так, социальный работник Мария начинает описание своих посещениях матерей-одиночек с рассказа о доме, где они проживают. Как указывает

интервьюер, условия жизни в таких домах тяжелы, однако сравнимы с теми, в каких проживают сами социальные работники в этом городе, получающие маленькую зарплату. Эмоционально столкновение с бедностью сильно затрагивает социального работника. В одном случае — это деревянный старенький домик с низкими потолками и скудной мебелировкой, состоящей из стола, кровати и очень старого дивана, на который специалист побоялась сесть. В другом — квартира в блочном доме, находящаяся в состоянии нескончаемого ремонта, на который у хозяйки нет денег: *«Уже который год идет ремонт, облезлые стены страшные, ванная, ну ужасно, конечно»* (социальный работник, г. Красноармейск), *«темная и тесная прихожая»* в «старом типовом «хрущевском» доме», где *«как блоки поставили, не красили и ничего с ним не делали»* (специалист социальной работы, г. Саратов).

Несколько раз в интервью упоминается запах дома, специфический запах бедности и старых вещей. Ветхость внешнего вида жилищ занимает важное место в описаниях и оценках, которые распространяются далее на внешний вид собеседниц: *«выглядели серо»*, кроме одной, которая *«более-менее за собой ухаживает»*. Эта серость присутствует довольно часто в описаниях внешности: *«Почему-то, я не помню, так это или нет, но мне кажется, что она была в чем-то сером. Вот, а может быть, у меня ассоциации — как дом этот был серый, прихожая темная, и у меня, образ ее»* (социальный работник, г. Саратов). Анализируя стратегии описания бедности, можно прийти к выводу, что именно эти внешние признаки запущенности являются определяющими: *«Мы сразу видим человека, который ухаживает, а который просто неухоженный, который не следит за собой... лицо запущенное, не ухаживает человек за собой... даже редко умывается, видно же»* (социальный работник, г. Красноармейск). Особые ассоциации при определении бедности наши собеседницы находили для тех матерей-одиночек, которые отличались аккуратностью и вызывали симпатию: *«Не то что чистенькая, но прибранная бедность, приглаженная бедность»* (социальный работник, г. Саратов). Сотрудники социальных служб, уполномоченные системой адресной помощи населению проверять нуждаемость, составляют собственные «народные» определения бедности, исходя из образов, имеющих в их жизненном опыте.

Реакция на работу социальных служб выступает здесь критерием классификации нуждающихся клиентов на благодарных и неблагодарных: *«Женщина была одна с тремя детьми, неполная семья. Мы пришли к ней, чтобы написать акт обследования, потом принесли ей эти продукты. Когда видишь ее глаза и понимаешь, да, мы нужны. А иногда бывает так, что придут, нахамят, а ты им улыбаешься, иначе начальство тебя поругает за то, что ты не улыбался. Возьмут эти продукты, выйдут и еще будут говорить, что давали мало и плохо»* (социальный работник, г. Красноармейск).

Социальная работа, которая сводится к контролю нуждаемости и помощи бедным, не может быть эффективным средством социального развития. Это понимают наши собеседницы — специалисты социальной работы: *«Пришел [клиент], значит, надо что-то сделать. Пошуршим-пошуршим в бумажечках, напишем, запишем, выделим [помощь], все — женщина ушла вот эта, которой выдали муку и макароны, и, ну она тихая была, так, тихо ушла, тихо пришла, ни у кого особых впечатлений никаких не вызвала — и все, речи о ней больше не шло. Забыли,*

проехали. Никто не стал ломать голову над тем, что у нее за проблемы вообще, отчего она приходила, а что было нужно, а что делать дальше, ничего подобного» (социальный работник, г. Саратов).

Одинокие матери во многих странах мира испытывают сходные проблемы, хотя в силу особенностей устройства социального обеспечения, вариаций в системах социальной политики и практикуемых моделях социальной работы положение этой социальной группы от государства к государству неодинаково. В России на семьях соло-матерей лежит во многом тот же груз проблем переходного общества, что и на некоторых других группах населения — дефицит ресурсов социальной помощи, недостаточная для достойного уровня жизни поддержка государства, распад социальных сетей. Однако обстоятельства, в которых они оказались, определяют дополнительные негативные аспекты, способствующие их социальной изоляции, стигматизации, вытеснению матерей-одиночек в наименее престижные сектора рынка труда и конструированию их как клиентов, подлежащих проверке на нуждаемость.

Заключение

Исследования проливают свет на роль государственной политики в формировании модели семейной структуры и возможностей достойного уровня жизни. Рассматривая в качестве содержания социального гражданства номенклатуру социальных гарантий, предоставляемых государством семье в связи с рождением и воспитанием детей, можно было бы прийти к выводу о близости советской модели семьи к скандинавской слабой модели кормильца, если бы не объем предоставляемой социальной поддержки. Государство, стремясь к реализации гендерного контракта работающей матери, так и не смогло компенсировать отсутствие в монородительской семье второго экономического актора, приносящего доход.

Данные показывают, что феномен «материнских» семей и социальная политика оказывают друг на друга взаимное влияние. При этом реализация соло-матерями их прав как граждан социального государства зависит от степени дружелюбия государства по отношению к женщинам, что включает развитие широкой сети общественных услуг по уходу за детьми и возможности найти хорошо оплачиваемую работу. Кроме того, для женщин важно иметь выбор между собственным обслуживающим трудом в домохозяйстве и общественными услугами.

На протяжении переходного периода отмечается рост числа детей в монородительских домохозяйствах по причине нестабильности браков, внебрачных рождений и высокого уровня смертности среди молодых взрослых. Снижение ценности детских пособий и алиментной поддержки, сокращение возможностей трудоустройства и реальных заработных плат оказывают отрицательное влияние на семейный доход одиноких родителей. Это повышает вероятность того, что семья одиноких родителей будет проживать в расширенном домохозяйстве, и такая модель совместного проживания среди семей одиноких родителей в будущем будет расти. С одной стороны, такая модель выгодна государству, поскольку позволяет экономить средства, перекладывая финансовую и немоне-

тарную поддержку на плечи родственников в расширенной семье. С другой стороны, существует много одиноких родителей, не имеющих родственной поддержки. Именно они характеризуются наибольшей уязвимостью перед лицом бедности.

Растущий уровень бедности среди одиноких родителей вкупе с дополнительными индикаторами снижения качества жизни их самих и их детей убеждает в необходимости немедленного решения проблемы на политическом уровне, в том числе путем повышения детских пособий одиноким родителям, расширения бесплатных услуг в сфере дошкольного, школьного и дополнительного образования, досуга и спорта. Необходимо повысить шансы соло-матерей в сфере занятости, подготовки и переподготовки, реализовать гарантии нондискриминации в принятии решений работодателями относительно найма и карьеры.

Наше исследование показало, что роль социального обслуживания в конструировании статуса клиентов и граждан у одиноких матерей является неоднозначной. В одних ситуациях социальные работники добиваются позитивных изменений в жизни соло-матерей, способствуя тем самым реализации статуса полноценного социального гражданства. В других же случаях, которые, к сожалению, часто встречаются в практике социальной работы, особенно в провинции, где ресурсов у социальной службы явно недостаточно, идентичность женщин урезается до статуса клиентов. В таких случаях сотрудники социальных служб ставят диагноз нуждаемости и требуют доказательств малообеспеченности, ограничиваясь впоследствии снабжением клиентов дешевой натуральной помощью. Тем самым по сути дела воспроизводятся практики социального исключения.

Определение потребностей монородительских семей лишь в материальной поддержке является ограниченным. Речь должна идти об общественном отношении к данному феномену, о признании структурных причин монородительства и бедности, а также о гуманистической практике социального обслуживания, нондискриминационных принципах профессиональной социальной работы.

Многие социальные проблемы женщин являются следствием до сих пор традиционного определения семьи, подразумевающего неравноправие и угнетение женщин; причем многие модели социальной работы принимают такое определение, чем лишь усугубляют положение женщин. Так, в социальных службах подчас сводят сложные социальные проблемы одиноких матерей к индивидуальным психологическим особенностям, имеют тенденцию обвинять жертву, возлагая на женщин ответственность за те проблемы, которые на самом деле имеют социальное происхождение, и тем самым отвлекают внимание от социальных условий. Кроме того, социальные работники пытаются решить трудности каждой женщины в отдельности, вместо того чтобы объединить их с другими людьми, имеющими сходный опыт.

Литература

- Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998.
- Андреева Е.* Брак распался: Результат — миллион беспризорных и безнадзорных // Человек и закон. 2002. № 6.
- Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Антонова О.И.* Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Материалы Российского статистического общества. М.: Наука, 1999.
- Барашкова А.С.* Генезис неполных семей Республики Саха (Якутия) // Социологические исследования. 1998. №12.
- Баскакова М.Е.* Проблемы и права работников с семейными обязанностями // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. М.: МЦГИ, 1998. Т.1.
- Бреева Е.Б.* Дети в современном обществе. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Буссмейкер Дж.* Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов / Пер. Тюриной И. / Под ред. Е. Мезенцевой // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. М.: ИдеяПРЕСС, 2000.
- Волков А.В.* Типология семей в России // Вопросы статистики. 1999. № 5. Вопросы статистики. 1997. № 2; 1998. № 1.
- Воронина М.Г.* Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Гурко Т.А.* Вариативность представления в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Гурко Т.А.* Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992.
- Дементьева И.Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 3.
- Елизаров А.Н.* Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. 1995. № 7.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерная система // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002.
- Иванова Е.И., Михеева А.Р.* Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. 1999. № 6.
- Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917—1996 гг.) (Опыт конструктивистско-структуралистского анализа). Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1996.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
- Калабихина И.* Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: ИСЭПН РАН — МЦГИ — Русская панорама, 2002.
- Киблицкая М.* Исповеди одиноких матерей. М.: Эслан, 1999.
- Климантова Г.А.* Семья в процессе трансформации российского общества // Общество и экономика. 1999. № 10.

- Козина И.М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области. Саратов, 2002 (проект).
- Королев Ю.А. Брак и развод: Современные тенденции. М.: Просвещение, 1978.
- Ленин В.И. Советская власть и положение женщины // К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М.: Политиздат, 1978.
- Либоракина М. Женщины и приватизация: российский опыт // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: ИСЭПН РАН—МЦГИ—Русская панорама, 2002.
- Луныкова Л.Г. «Материнские семьи»: соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М.: МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1998. Т. I.
- Малышева М.М. Современный патриархат: Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001.
- Мацковский М.С. Социология семьи. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1989.
- Мезенцева Е.Б. Профессиональная сегрегация по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001.
- Мезенцева Е.Б. Социальная справедливость, государство благосостояния и гендер // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002.
- О положении семей в СССР. 1984—1986. М.: Госкомстат России, 1988.
- Овчарова Л.Н., Проккофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002.
- Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
- Ржаницына Л.С. Макроэкономические проблемы занятости // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002.
- Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономического развития России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002.
- Семья — недоступная роскошь // Родина. 2000. № 3.
- Смирнов С.Н., Колосницын И.В. Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. № 1.
- Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Указ Президента РФ от 05.05.92 г. № 431 «О мерах по социальной защите многодетных семей».
- Указ Президента РФ от 05.06.92 г. № 554 «Об обязательном трудоустройстве отдельных категорий работников при ликвидации предприятия, учреждения, организации».

- Филиппова Г. Ребенок для родителей и родители для ребенка: Оба родителя нужны ребенку в любом возрасте // *Семья и школа*. 2001. № 7/8.
- Хоткина З.А. Гендерные аспекты безработицы и социальной защиты // *Гендерные аспекты социальной трансформации*. М.: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН, 1996.
- Чекорина Н. Женщины и социальная политика в условиях рыночного реформирования // *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики*. М.: ИСЭПН РАН—МЦГИ—Русская панорама, 2002.
- Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере. 2002. № 6.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Проблематизация семьи в социологии // *Рубеж*. 1998. № 12.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Цыглакова Е.А. Одинокие матери: клиенты или граждане // *Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне*. Саратов: Научная книга, 2003.
- Vjornberg U. (Ed.) One-parent families. Amsterdam SISWO publication, 1992. № 364.
- Vjornberg U. Introduction // One-parent families. Amsterdam SISWO publication. 1992. № 364.
- Goffman E. Stigma. Notes on the management of spoiled identity. L.; N.Y.; Touchstone, 1986.
- Hernes H.M. Welfare State and Women Power. Essays in State Feminism. Oslo: Norwegian University Press, 1987.
- Hobson B. Solo mothers, social policy regimes and the logics of gender // *Gendering Welfare States*. L.: Sage, 1994.
- Klugman J., McAuley A. Social policy for Single-Parent Families: Russia in Transition // *Single Parents and Child Welfare in the New Russia*. UNICEF. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; N.Y.: Palgrave, 2001.
- Lewis J., Ostner I. Gender and the evolution of European social policies, ZeS-Arbeitspapier Nr. 4/94. Centre for Social policy Research, University of Bremen, 1994.
- Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 12. №3.
- Lewis J. Introduction: women, work, family and social policies in Europe // *Women and Social policies in Europe: Work, Family and the State*. Aldershot: Edward Elgar, 1993.
- Motivans A., Klugman J. Single Parents and Child Welfare in the New Russia // *Single Parents and Child Welfare in the New Russia*. UNICEF. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave, 2001.
- Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Single Mothers in Russia: Household Strategies for Coping with Poverty. World Bank Working Papers series. Poverty. Income distribution, safety nets, micro-credit, 2000, № 2300. <http://econ.worldbank.org/docs/1054.pdf>
- Stewart K. Are Intergovernmental Transfers in Russia Equalizing? Innocenti Occasional Papers, EPS 59. Florence: UNICEF International Child Development Center. 1997.
- Ustinova M. One-Parent Families in the USSR: Ethnoregional Specificity // *One-parent families*. Amsterdam SISWO publication. 1992. № 364.
- Women in Transition. Regional Monitoring Report. Florence: UNICEF International Child Development Centre. UNICEF, 1999. № 6.